

ЭПОС О ГИЛЬГАМЕШЕ

"О ВСЕ ВИДАВШЕМ"

СО СЛОВ СИН-ЛЕКЕ-УННИНИ,

ЗАКЛИНАТЕЛЯ

При составлении текста и примечаний к нему использованы перевод
и примечания И. Дьяконова

ТАБЛИЦА 1

О все видавшем до края мира,
О познавшем моря, перешедшем все горы,
О врагов покорившем вместе с другом,
О постигшем премудрость, о все проникавшем:
Сокровенное видел он, тайное ведал,
Принес нам весть о днях до потопа,
В дальний путь ходил, но устал и смирился,
Рассказ о трудах на камне высек,
Стеною обнес Урук¹ огражденный,
Светлый амбар Эаны² священной. --
Осмотри стену, чьи венцы, как по нити,
Погляди на вал, что не знает подобья,
Прикоснись к порогам, лежащим издревле,
И вступи в Эану, жилище Иштар³, --
Даже будущий царь не построит такого,--
Поднимись и пройди по стенам Урука,
Обозри основанье, кирпичи ощурай:
Его кирпичи не обожжены ли
И заложены стены не семью ль мудрецами?

Велик он более всех человеков,
На две трети он бог, на одну -- человек он,
Образ его тела на вид несравненен,
Стену Урука он возносит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных,--
Все его товарищи встают по барабану!⁴
По спальням страшатся мужи Урука:
"Отцу Гильгамеш не оставит сына!

Днем и ночью буйствует плотью.
Часто их жалобу слыхивали боги,
Воззвали они к великой Аруру⁵ :
"Аруру, ты создала Гильгамеша,
Теперь создай ему подобье!
Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,
Пусть соревнуются, Урук да отдыхает".
Аруру, услышав эти речи,
Подобье Ану⁶ создала в своем сердце
Умыла Аруру руки,
Отщипнула глины, бросила на землю,
Слепила Энкиду, создала героя.
Порожденье полуночи, воин Нинурты⁷,
Шерстью покрыто все его тело,
Подобно женщине, волосы носит,
Пряди волос как хлеба густые;
Ни людей, ни мира не ведал,
Одеждой одет он, словно Сумукан⁸.
Вместе с газелями ест он травы,
Вместе со зверьми к водопою теснится,
Вместе с тварями сердце радует водою
Человек - ловец-охотник
Перед водопоем его встречает.
Первый день, и второй, и третий
Перед водопоем его встречает.
Увидел охотник - в лице изменился,
Со скотом своим домой вернулся,
Устрашился, умолк, онемел он,
В груди его -- скорбь, его лик затмился,
Тоска проникла в его утробу,
Идущему дальним путем стал лицом подобен.

Охотник отправился к Гильгамешу,
Пустился в путь, стопы обратил к Уруку,
Пред лицом Гильгамеша промолвил, слово:
"Некий есть муж, что из гор явился,
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки!
Бродит вечно по всем горам он,
Постоянно со зверьем к водопою теснится,
Постоянно шаги направляет к водопою.
Боюсь я его, приближаться не смею!
Я вырою ямы -- он их засыплет,
Я поставлю ловушки -- он их вырвет,
Из рук моих уводит зверье и тварь степную,--
Он мне не дает в степи трудиться!"
Гильгамеш ему вещает, охотнику:
"Иди, мой охотник, блудницу Шамхат приведи с собою
Когда он поит зверей у водопою,
Пусть сорвет она одежду, красы свои откроет,--
Ее увидев, к ней подойдет он --
Покинут его звери, что росли с ним в пустыне".
Шесть дней миновало, семь дней миновало --
Неустанно Энкиду познавал блудницу,
Когда же насытился лаской,
К зверью своему обратил лицо он.
Увидав Энкиду, убежали газели,
Степное зверье избегало его тела.
Вскочил Энкиду,-- ослабели мышцы,
Остановились ноги,-- и ушли его звери.
Смирился Энкиду,-- ему, как прежде, не бегать!
Но стал он умней, разумением глубже,--
Вернулся и сел у ног блудницы,

Блуднице в лицо он смотрит,
И что скажет блудница,-- его слушают уши.
Блудница ему вещает, Энкиду:
"Ты красив, Энкиду, ты богу подобен,--
Зачем со зверьем в степи ты бродишь?
Давай введу тебя в Урук огражденный,
К светлому дому, жилищу Ану,
Где Гильгамеш совершенен силой
И, словно тур, кажет мощь свою людям!"
Сказала -- ему эти речи приятны,
Его мудрое сердце ищет друга.

ТАБЛИЦА 2

Услыхал ее слово, воспринял речи,
Женщины совет запал в его сердце.
Ткань разорвала, одной его одела,
Тканью второю сама оделась,
За руку взяв, повела, как ребенка,
К стану пастушьему, к скотьям загонам.
Там вокруг них пастухи собралися,
Шепчут они, на него взирая:
"Муж тот с Гильгамешем сходен обличьем,
Ростом пониже, но костью крепче.
То, верно, Энкиду, порожденье степи,
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки:
Молоко звериное сосал он!"
На хлеб, что перед ним положили,
Смутившись, он глядит и смотрит:
Не умел Энкиду питаться хлебом,

Питью сикеры обучен не был.
Блудница уста открыла, вещает Энкиду.
"Ешь хлеб, Энкиду,-- то свойственно жизни,
Сикеру пей -- суждено то миру!"
Досыта хлеба ел Энкиду,
Сикеры испил он семь кувшинов.
Взыграла душа его, разгулялась,
Его сердце веселилось, лицо сияло.
Он ощупал свое волосатое тело,
Умастился елеем, уподобился людям,
Одеждой оделся, стал похож на мужа.
Оружие взял, сражался со львами --
Пастухи покоились ночью.
Львов побеждал и волков укрощал он --
Великие пастыри спали:
Энкиду -- их стража, муж неусыпный...
Весть принесли в Урук огражденный Гильгамешу:
Было в ту ночь для Ишхары¹ постелено ложе,
Но Гильгамешу, как бог, явился соперник:
В брачный покой Энкиду дверь заградил ногою,
Гильгамешу войти он не дал.
Схватились в двери брачного покоя,
Стали биться на улице, на широкой дороге, --
Обрушились сени, стена содрогнулась.
Преклонил Гильгамеш на землю колена,
Он смирил свой гнев, унял свое сердце
Когда унялось его сердце, Энкиду вещает Гильгамешу:
"Одного тебя мать родила такого,
Буйволица Ограды, Нинсун²!
Над мужами главою ты высоко вознесся,
Эллиль над людьми судил тебе царство!"

Гильгамеш наклонил лицо, вещает Энкиду:

"Почему твои очи наполнились слезами,
Опечалилось сердце, вздыхаешь ты горько?"

Энкиду уста открыл, вещает Гильгамешу:

"Вопли, друг мой, разрывают мне горло:
Без дела сию, пропадает сила".

Гильгамеш уста открыл, вещает Энкиду

"Друг мой, далеко есть горы Ливана,
Кедровым те горы покрыты лесом,
Живет в том лесу свирепый Хумбаба,--
Давай его вместе убьем мы с тобою,
И все, что есть злого, изгоним из мира!
Нарублю я кедра,-- поросли им горы,--
Вечное имя себе создам я!"

Энкиду уста открыл, вещает Гильгамешу.

"Как же пойдем мы, как в лес мы вступим?"

Бог Вэр³, его хранитель, -- он могуч, неусыпен
А Хумбаба -- Шамаш наделил его силой,
Адду наделил его отвагой,

Чтоб кедровый лес оберегал он,

Ему вверил Эллиль страхи людские.

Хумбаба -- ураган его голос,

Уста его -- пламя, смерть -- дыханье!

Люди молвят -- тяжек и путь к тому лесу --

Кто же проникнет в середину леса?

Чтоб кедровый лес оберегал он,

Ему вверил Эллиль страхи людские,

И кто входит в тот лес, того слабость объемлет".

Гильгамеш уста открыл, вещает Энкиду.

"Кто, мой друг, вознесся на небо?"

Только боги с Солнцем пребудут вечно,
А человек -- сочтены его годы,
Что б он ни делал,-- все ветер!
Ты и сейчас боишься смерти,
Где ж она, сила твоей отваги?
Я пойду перед тобою, а ты кричи мне: "Иди, не бойся!"
Если паду я - оставлю имя:
"Гильгамеш принял бой со свирепым Хумбабой!"
Но родился в моем доме ребенок, -
К тебе подбежал: "Скажи мне, все ты знаешь:
Что совершил мой отец и друг твой?"
Ты ему откроешь мою славную долю!

ТАБЛИЦА 3

Старейшины его благословляют
На дорогу Гильгамешу дают советы:
"Гильгамеш, на силу ты свою не надейся,
Лицом будь спокоен, ударяй же верно;
Впереди идущий сотоварища спасает:
Кто ведал тропы, сохранил он друга;
Пускай Энкиду идет пред тобою,--
Он знает дорогу к кедровому лесу,
Битвы он видел, бой ему ведом.
Энкиду, береги сотоварища, храни ты друга,
Через рытвины носи на руках его тело;
Мы в совете тебе царя поручаем,
Как вернешься ты -- нам царя поручишь!"

ТАБЛИЦА 4

Гильгамеш уста открыл, ему вещает, Энкиду.

"Один -- лишь один, ничего он не может,

Чужаками мы здесь будем поодиночке:

По круче один не взойдет, а двое -- взберутся,

Втрое скрученный канат не скоро порвется¹,

Два львенка вместе -- льва сильнее!"

Энкиду уста открыл, ему вещает, Гильгамешу:

"Если бы в лес мы с тобою спустились,

Ослабеет тело, онемеют мои руки".

Гильгамеш уста открыл, вещает он Энкиду

"Друг мой, ужели мы будем так жалки?

Столько гор уже перешли мы,

Убоимся ли той, что теперь перед нами,

Прежде чем мы нарубим кедра?

Друг мой, в сраженьях ты сведущ, битвы тебе знакомы

Натирался ты зельем и смерти не страшишься,

Как большой барабан гремит твой голос!

Пусть сойдет с твоих рук онеменье,

Пусть покинет слабость твое тело,

Возьмемся за руки, пойдем же, друг мой!

Пусть загорится твое сердце сраженьем!

Забудь о смерти,-- достигнешь жизни!

Человек осторожный и неустрашимый,

Идя впереди, себя сохранил бы и товарища спас бы,--

Далеко они свое прославили бы имя!"

ТАБЛИЦА 5

Как услышал Гильгамеш сотоварища слово,--

Боевой топор он поднял рукою,

Выхватил из-за пояса меч свой,--

Гильгамеш поразил его¹ в затылок,
Его друг, Энкиду, его в грудь ударил;
На третьем ударе пал он,
Замерли его буйные члены,
Сразили они наземь стража, Хумбабу,--
На два поприща вокруг застонали кедры:
С ним вместе убил Энкиду леса и кедры.
Сразил Энкиду стража леса,
Чье слово чтили Ливан и Сариа,
Покой объял высокие горы,
Покой объял лесистые вершины.
Он сразил защитников кедра --
Разбитые лучи Хумбабы.
Когда их всех семерых убил он,
Боевую сеть и кинжал в семь талантов², --
Груз в восемь талантов,-- снял с его тела,
Жилище Ануннаков тайное открыл он.
Гильгамеш деревья рубит, Энкиду пни корчует.
Энкиду ему вещает, Гильгамешу:
"Друг мой, Гильгамеш! Мы кедр убили,--
Повесь боевой топор на пояс,
Возлей перед Шамашем³ возлиянье,--
На берег Евфрата доставим кедры".

ТАБЛИЦА 6

Он умыл свое тело, все оружие блестело,
Со лба на спину волосы он закинул,
С грязным он разлучился, чистым он облачился.
Как накинул он плащ и стан подпоясал,

Как венчал Гильгамеш себя тиарой, --
На красоту Гильгамеша подняла очи государыня Иштар
Давай, Гильгамеш, будь мне супругом,
Зрелость тела в дар подари мне!
Ты лишь будешь мне мужем, я буду женою!
Приготовлю для тебя золотую колесницу,
С золотыми колесами, с янтарными рогами,
А впрягут в нее бури -- могучих мулов.
Войди в наш дом в благоухании кедра!
Как входить ты в дом наш станешь,
И порог и престол да целуют твои ноги,
Да преклонят колени государи, цари и владыки,
Да несут тебе данью дар холмов и равнины,
Твои козы тройней, а овцы двойней да рожают,
Твой вычный осел пусть догонит мула,
Твои кони в колеснице да будут горды в беге,
Под ярмом волы твои да не ведают равных!"

Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает он государыне Иштар:

"Зачем ты хочешь, чтоб я взял тебя в жены?
Я дам тебе платьев, еляя для тела,
Я дам тебе мяса в пропитанье и в пищу,
Накормлю я тебя хлебом, достойным богини,
Вином напою, достойным царицы,
Твое жилище пышно украшу,
Твои амбары зерном засыплю,
Твои кумиры одену в одежды,--
Но в жены себе тебя не возьму я!
Ты -- жаровня, что гаснет в холод,
Черная дверь, что не держит ветра и бури,
Дворец, обвалившийся на голову герою,

Слон, растоптавший свою попону,
Смола, которой обварен носильщик,
Мех, из которого облит носильщик,
Плита, не сдержавшая каменную стену,
Таран, предавший жителей во вражью землю,
Сандалия, жмущая ногу господина!
Какого супруга ты любила вечно,
Какую славу тебе возносят?
Давай перечислю, с кем ты блудила!
Как услышала Иштар эти речи,
Иштар разъярилась, поднялась на небо,
Поднявшись, Иштар пред отцом своим, Ану, плачет,
Пред Анту, ее матерью, бегут ее слезы:
"Отец мой, Гильгамеш меня посрамляет,
Гильгамеш перечислил мои прегрешенья,
Все мои прегрешенья и все мои скверны".
Ану уста открыл и молвит, вещает ей, государыне Иштар
"Разве не ты оскорбила царя Гильгамеша,
Что Гильгамеш перечислил твои прегрешенья,
Все твои прегрешенья и все твои скверны?"
Иштар уста открыла и молвит, вещает она отцу своему, Ану
"Отец, создай Быка мне, чтоб убил Гильгамеша в его жилище,
За обиду Гильгамеш поплатиться должен!
Если же ты Быка не дашь мне --
Поражу я Гильгамеша в его жилище,
Проложу я путь в глубину преисподней,
Подниму я мертвых, чтоб живых пожирала,--
Станет меньше тогда живых, чем мертвых!"
Как услышал Ану эти речи,
Ее он уважил, Быка он создал,
В Урук с небес погнала его Иштар.

Когда достиг он улиц Урука,
Спустился к Евфрату, в семь глотков его выпил -- река иссякла.
От дыханья Быка разверзлась яма,
Сто мужей Урука в нее свалились.
От второго дыханья разверзлась яма.
Двести мужей Урука в нее свалились.
При третьем дыханье стал плевать на Энкиду;
Прыгнув, Энкиду за рог Быка ухватился,
Бык в лицо ему брызнул слюною,
Всей толщей хвоста его ударил.

Энкиду уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:

"Друг мой, гордимся мы нашей отвагой,
Что же мы ответим на эту обиду?"
"Друг мой, видал я Быка свирепость,
Но силы его для нас не опасны.
Вырву ему сердце, положу перед Шамашем, --
я и ты -- Быка убьем мы,
Встану я над его трупом в знак победы,
Наполню рога елеем -- подарю Лугальбанде!¹
За толщу хвоста его ухвати ты,
А я между рогами, меж затылком и шеей,
поражу его кинжалом...".
Погнал Энкиду, Быка повернул он,
За толщу хвоста его ухватил он..
А Гильгамеш, как увидел дело храброго героя
и верного друга ,--
Между рогами, меж затылком и шеей
Быка поразил кинжалом.
Как Быка они убили, ему вырвали сердце,
перед Шамашем положили,

Удалившись, перед Шамашем ниц склонились,
Отдыхать уселись оба брата.

Взобралась Иштар на стену огражденного Урука,
В скорби распростерлась, бросила проклятье:
"Горе Гильгамешу! Меня он опозорил, Быка убивши!"
Услыхал Энкиду эти речи Иштар,
Вырвал корень Быка, в лицо ей бросил:
"А с тобой -- лишь достать бы,-- как с ним бы я сделал,
Кишки его на тебя намотал бы!"

Созвала Иштар любодеиц, блудниц и девок,
Корень Быка оплакивать стали.
А Гильгамеш созвал мастеров всех ремесел,--
Толщину рогов мастера хвалили.
Тридцать мин лазури -- их отливка,
Толщиною в два пальца их оправа,
Шесть мер елея², что вошло в оба рога,
Подарил для помазанья своему богу Лугальбанде,
А рога прибил у себя над хозяйским ложем.
Они руки свои омыли в Евфрате,
Обнялись, отправились, едут улицей Урука,
Толпы Урука на них взирают.

Гильгамеш вещает слово простолюдинкам Урука:
"Кто же красив среди героев,
Кто же горд среди мужей?
Гильгамеш красив среди героев,
Энкиду горд среди мужей!"
Бык богинин, кого мы изгнали в гневе,
Не достиг на улицах полноты желанья !

Гильгамеш во дворце устроил веселье,

Заснули герои, лежат на ложе ночи,
Заснул Энкиду -- и сон увидел,
Поднялся Энкиду и сон толкует:
Вещает своему он другу:

ТАБЛИЦА 7

"Друг мой, о чем совещаются великие боги?"

Слушай мой сон, что я видел ночью:

Ану, Эллиль и Шамаш меж собой говорили.

И Ану Эллилю вещает:

"Зачем они сразили Быка и Хумбабу?"

Ану сказал: "Умереть подобает

Тому, кто у гор похитил кедры!"

Эллиль промолвил: "Пусть умрет Энкиду,

Но Гильгамеш умереть не должен!"

Отвечает Шамаш Эллилю-герою

"Не твоим ли веленьем убиты Бык и Хумбаба?"

Должен ли ныне Энкиду умереть безвинно?"

Разгневался Эллиль на Шамаша-героя

"То-то ежедневно в их товарищах ты ходишь!"

Слег Энкиду перед Гильгамешем,

По лицу Гильгамеша побежали слезы:

"Брат, милый брат! Зачем вместо брата меня оправдали?"

И еще неужели сидеть мне с призраком, у могильного входа?"

Никогда не увидеть своими очами любимого брата?"

Энкиду уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу.

"Давай, мой друг, пойдем и Эллиля попросим!"

У входа в храм они остановились,

Деревянную дверь они увидели.
Ибо Эллилю ее подарил Энкиду,
Энкиду уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу.
"Из-за двери деревянной беда случилась!"

Энкиду поднял на дверь свои очи,
С дверью беседует, как с человеком:
"Деревянная дверь, без толка и смысла,
Никакого в ней разумения нету!
Для тебя я дерево искал за двадцать поприщ¹,
Пока не увидел длинного кедра,--
Тому дереву не было равных в лире!
Восемнадцать сажень ты высотой, шесть сажень ты шириною,
Твой засов, петля и задвижка длиной двенадцать локтей.
Изготовил, доставил тебя, в Ниппуре украсил --
Знал бы я, дверь, что такова будет расплата,
Что благо такое ты принесешь мне,--
Взял бы топор я, порубил бы в щепы,
Связал бы плот -- и пустил бы по водам!
Ану и Иштар мне того не простили!
Ныне же, дверь,-- зачем я тебя сделал?
Сам погубил себя благочестивым даром!
Пусть бы будущий царь тебя оправил,
Пусть бы бог изготовил твои дверные створки,
Стер бы мое имя, свое написал бы²,
Сорвал бы мою дверь, а свою поставил!"

Его слово услышав, сразу жарко заплакал,
Услыхал Гильгамеш слово друга, Энкиду,--
побежали его слезы.

Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает Энкиду
"Тебе бог даровал глубокий разум, мудрые речи --
тйеловек ты разумный -- а мыслишь так странно!

Зачем, мой друг, ты мыслишь так странно?
Драгоценен твой сон, хоть много в нем страха:
Как мушиные крылья, еще трепещут твои губы!
Много в нем страха, но сон этот дорог:
Для живого -- тосковать -- его доля,
Сон тоску оставляет для живого!
А теперь помолюсь я богам великим,--
Милость взыскаю, обращусь к твоему богу!
Пусть, отец богов, будет милостив Ану,
Даже Эллиль да сжалится, смилуется Шамаш,--
Златом без счета их украшу кумиры!"
Услыхал его Шамаш, воззвал к нему с неба:
"Не трать, о царь, на кумиры злата,--
Слово, что сказано, бог не изменит,
Слово, что сказано, не вернет, не отменит,
Жребий, что брошен, не вернет, не отменит,--
Судьба людская проходит,-- ничто не останется в мире!
В утробу Энкиду боль проникла,
На ложе ночи, где лежал он одиноко.
Все свои скорби он поведал другу:
"Слушай, друг мой! Сон я видел ночью -
Вопияло небо, земля отвечала,
Только я стою между ними
Да один человек - лицо его мрачно,
Птице бури он лицом подобен,
Его крылья - орлиные крылья, его когти - орлиные когти,
Он за волосы схватил, меня одолел он,
Я его ударил - как скакалка, он скачет,
Он меня ударил - исцелил мою рану,
Но, как тур, на меня наступил он,
Сжал, как тисками, все мое тело.

"Друг мой, спаси меня!" Не мог спасти ты,
Ты убоялся, не мог сражаться,
Он ко мне прикоснулся, превратил меня в птаху,
Крылья, как птичьи, надел мне на плечи:
Взглянул и увел меня в дом мрака, жилище Иркаллы³,
В дом, откуда вошедший никогда не выходит,
В путь, по которому не выйти обратно,
В дом, где живущие лишаются света,
Где их пища - прах и еда их - глина,
А одеты, как птицы,- одеждою крыльев,
И света не видят, но во тьме обитают,
А засовы и двери покрыты пылью!
В Доме праха, куда вступил я,
Поглядел я - венцы смиренны:
Я послушал,- венценосцы, что в прежние дни владели миром,
Ану и Эллилю подносят жареное мясо,
Ставят хлеб печеный, холодную, из меха, возливают воду.
В Доме праха, куда вступил я,
Живут жрец и служка, живут волхв и одержимый,
Живут священники богов великих,
Живет Этана⁴, живет Сумукан,
Живет Эрешкигаль, земли царица;
Белет-цери, дева-писец земли, перед ней на коленях,
Таблицу судеб держит, пред нею читает,-
Подняла лицо, меня увидала:
"Смерть уже взяла того человека!"
"...Мы с тобою вместе все труды делили,-
Помни меня, друг мой, не забудь мои деянья!"
Друг его увидел сон необъясненный,
Когда сон он увидел, его иссякла сила.
Лежит Энкиду на ложе,

Первый день, второй день, что лежит Энкиду на ложе,
Третий день и четвертый, что лежит Энкиду на ложе.
Пятый, шестой и седьмой, восьмой, девятый и десятый,-
Стал недуг тяжелей у Энкиду,
Одиннадцатый и двенадцатый дни миновались -
На ложе своем приподнялся Энкиду,
Кликнул Гильгамеша, ему вещает:
"Друг мой отныне меня возненавидел, -
Когда в Уруке мы с ним говорили,
Я боялся сраженья, а он был мне в помощь;
Друг, что в бою спасал,- почему меня покинул?
Я и ты - не равно ли мы смертны?"

ТАБЛИЦА 8

Едва занялось сияние утра,
Гильгамеш уста открыл и молвит:
"Энкиду, друг мой, твоя мать антилопа
И онагр, твой отец, тебя породили,
Молоком своим тебя звери взрастили
И скот в степи на пастбищах дальних!
В кедровом лесу стези Энкиду
По тебе да плачут день и ночь неумолчно,
Да плачут старейшины огражденного Урука"
Да плачет руку нам вслед простиравший,
Да плачут уступы гор лесистых,
По которым мы с тобою всходили,
Да рыдает пажить, как мать родная,
Да плачут соком кипарисы и кедры,
Средь которых с тобою мы пробирались,

Да плачут медведи, гиены, барсы и тигры,
Козероги и рыси, львы и туры,
Олени и антилопы, скот и тварь степная,
Да плачет священный Евлей, где мы гордо ходили по берегу,
Да плачет светлый Евфрат, где мы черпали воду для меха,
Да плачут мужи обширного огражденного Урука,
Да плачут жены, что видали, как Быка мы убили,
Да плачет земледелец доброго града, твое славивший имя,
Да плачет тот, кто, как древними людьми, гордился тобою,
Да плачет тот, кто накормил тебя хлебом,
Да плачет рабыня, что умастила твои ноги,
Да плачет раб, кто вина к устам твоим подал,
Да плачет блудница, твбя умастившая добрым елеем,
Да плачет в брачный покой вступивший,
Обретший супругу твоим добрым советом,
Братья да плачут по твбе, как сестры,
В скорби да рвут волосы над тобою!
Словно мать и отец в его дальних кочевьях,
Я об Энкиду буду плакать:
Внимайте же мне, мужи, внимайте,
Внимайте, старейшины огражденного Урука!
Я об Энкиду, моем друге, плачу,
Словно плакальщица, горько рыдаю:
Мощный топор мой, сильный оплот мой,
Верный кинжал мой, надежный щит мой,
Праздничный плащ мой, пышный убор мой,-
Демон алой у меня его отнял!
Младший мой брат, гонитель онагров в степи,
пантер на просторах!
Энкиду,
младший мой брат, гонитель онагров в степи,

пантер на просторах!
С кем мы, встретившись вместе, поднимались в горы,
Вместе схвативши, Быка убили,-
Что за сон теперь овладел тобою?
Стал ты темен и меня не слышишь!"
А тот головы поднять не может.
Тронул он сердце - оно не бьется.
Закрыв он другу лицо, как невесте,
Сам, как орел, над ним кружит он,
Точно львица, чьи львята - в ловушке,
Мечется грозно взад и вперед он,
Словно кудель, раздирает власы он,
Словно скверну, срывает одежду.

Едва занялось сияние утра,
Гильгамеш по стране созывает кличем
Ваятелей, медников, кузнецов, камнерезов.
"Друг мой, сделаю кумир твой,
Какого никто не делал другу:
Друга рост и облик в нем будет явлен,-
Подножье из камня, власы - из лазури,
Лицо - из алебаstra, из золота - тело.

"...Теперь же я, и друг и брат твой,
Тебя уложил на великом ложе,
На ложе почетном тебя уложил я,
Поселил тебя слева, в месте покоя,
Государи земли облобызали твои ноги,
Велел оплакать тебя народу Урука,
Веселым людям скорбный обряд поручил я,
А сам после друга рубище надел я,

Львиной шкурой облачился, бегу в пустыню!"

Едва занялось сияние утра,
Гильгамеш изготовил из глины фигурку,
Вынес стол большой, деревянный,
Сосуд из сердолика наполнил медом,
Сосуд из лазури наполнил маслом,
Стол украсил и для Шамаша вынес.
Эллиль услышал уст его слово -
Внезапно с неба призыв раздался:
"Издревле, Гильгамеш, назначено людям:
Земледелец пашет землю, урожай собирает,
Пастух и охотник со зверем обитает,

ТАБЛИЦА 9

Гильгамеш об Энкиду, своем друге,
Горько плачет и бежит в пустыню:
"И я не так ли умру, как Энкиду?
Тоска в утробу мою проникла,
Смерти страшусь и бегу в пустыню.
Под власть Утнапишти¹, сына Убар-Туту,
Путь я предпринял, иду поспешно.
Перевалов горных достигнув ночью,
Львов я видал, и бывало мне страшно,-
Главу подымая, молюсь я Сину,
И ко всем богам идут мои молитвы:
Как прежде бывало, меня сохраните!"
Ночью он лег,- от сна пробудившись,
Видит, львы резвятся, радуясь жизни.
Боевой топор он поднял рукою,

Выхватил из-за пояса меч свой,-
Словно копьё, упал между ними,
Ударял, повергал, убивал и рубил он.
Он слышал о горах, чье имя - Машу²,
Как только к этим горам подошел он,
Что восход и закат стерегут ежедневно,
Наверху металла небес достигают,
Внизу - преисподней их грудь достигает,-
Люди-скорпионы стерегут их ворота:
Грозен их вид, их взоры - гибель,
Их мерцающий блеск повергает горы -
При восходе и закате Солнца они охраняют Солнце,-
Как только их Гильгамеш увидел -
Ужас и страх его лицо помрачили.
С духом собрался, направился к ним он;
Человек-скорпион жене своей крикнул:
"Тот, кто подходит к нам,- плоть богов - его тело!"
Человеку-скорпиону жена отвечает:
"На две трети он бог, на одну - человек он!"
Человек-скорпион Гильгамешу крикнул,
Потомку богов вещает слово:
"Почему идешь ты путем далеким,
Какою дорогой меня достиг ты,
Реки переплыл, где трудна переправа?
Зачем ты пришел, хочу узнать я,
Куда путь твой лежит, хочу узнать я!"
Гильгамеш ему вещает, человеку-скорпиону:
"Младший мой брат, гонитель онагров в степи,
пантер на просторах,
Энкиду,
младший мой брат, гонитель онагров горных,

пантер на просторах,
С кем мы, встретившись вместе, подымались в горы,
Вместе схвативши, Быка убили,
В кедровом лесу погубили Хумбабу,
Друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили,
Энкиду, друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили,-
Его постигла судьба человека!
Шесть дней миновало, семь ночей миновало,
Пока в его нос не проникли черви.
Устрашился я смерти, не найти мне жизни:
Мысль о герое не дает мне покоя!
Дальней дорогой бегу в пустыне:
Мысль об Энкиду, герое, не дает мне покоя -
Дальним путем скитаюсь в пустыне!
Как же смолчу я, как успокоюсь?
Друг мой любимый стал землею!
Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков?
Теперь же, скорпион, тебя я, встретил,-
Смерти, что страшусь я, пусть не увижу!
К Утнапишти, отцу моему, иду я поспешно,
К тому, кто, выжив, в собранье богов был принят
и жизнь обрел в нем!
Я спрошу у него о жизни и смерти!"
Человек-скорпион уста открыл и молвит,
вещает он Гильгамешу:
"Никогда, Гильгамеш, не бывало дороги,
Не ходил никто еще ходом горным:

На двенадцать поприщ простирается внутрь он:
Темнота густа, не видно света -
При восходе Солнца закрывают ворота,
При заходе Солнца открывают ворота,
При заходе Солнца опять закрывают ворота.
Выводят оттуда только Шамаша боги,
Опаляет живущих он сияньем,-
Ты же - как ты сможешь пройти тем ходом?
Ты войдешь и больше оттуда не выйдешь!"
Гильгамеш ему вещает, человеку-скорпиону:
"В тоске моей плоти, в печали сердца,
И в жар и в стужу, в темноте и во мраке,
Во вздохах и плаче, - вперед пойду я!
Теперь открой мне ворота в горы!"
Человек-скорпион уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:
"Иди, Гильгамеш, путем своим трудным,
Горы Машу ты да минуешь,
Леса и горы да пройдешь отважно,
Да вернешься обратно благополучно!
Ворота гор для тебя открыты".
Гильгамеш, когда услышал это,
Человеку-скорпиону был послушен,
По дороге Шамаша стопы он направил.
Первое поприще уже прошел он -
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
Второе поприще уже прошел он -
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
Третье поприще пройдя, он вспять обратился.
С духом собрался, вперед зашагал он.

Четвертое поприще уже прошел он -
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
Пятое поприще уже прошел он -
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
Шестое поприще уже прошел он -
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть,
Седьмое поприще пройдя - он прислушался к мраку:
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
Восьмое поприще пройдя,- в темноту он крикнул:
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
На девятом поприще холодок он почувал,-
Дыхание ветра его лица коснулось,-
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть,
На десятом поприще стал выход близок,-
Но, как десять поприщ, поприще это.
На одиннадцатом поприще пред рассветом брезжит,
На двенадцатом поприще свет появился,
Поспешил он, рошу из камней увидев:
Сердолик плоды приносит,
Гроздьями увешан, на вид приятен.
Лазурит растет листвою -
Плодоносит тоже, на вид забавен.
Гильгамеш, проходя по саду камней,
Очи поднял на это чудо.

ТАБЛИЦА 10

Сидури - хозяйка богов, что живет на обрыве у моря,

Живет она и брагой их угощает:

Ей дали кувшин, ей дали золотую чашу,-

Покрывалом покрыта, незрима людям.

Гильгамеш приближается к ее жилищу,

Шкурой одетый, покрытый прахом,

Плоть богов таится в его теле,

Тоска в утробе его обитает,

Идущему дальним путем он лицом подобен.

Хозяйка издали его увидала,

Своему она сердцу, помыслив, вещает,

Сама с собою совет она держит:

"Наверное, это - убийца буйный,

Кого хорошего тут увидишь?"

Увидав его, хозяйка затворила двери,

Затворила двери, засов заложила.

А он, Гильгамеш, тот стук услышал,

Поднял лицо и к ней обратился.

Гильгамеш ей вещает, хозяйке:

"Хозяйка, ты что увидала, зачем затворила двери,

Затворила двери, засов заложила?

Ударю я в дверь, разломаю затворы!"

...

Сидури-хозяйка крикнула Гильгамешу,

Потомку богов вещает слово:

"Почему идешь ты путем далеким,

Какою дорогой меня достиг ты,

Реки переплыл, где трудна переправа?

Зачем ты пришел, хочу узнать я,

Куда путь твой лежит, хочу узнать я!"

Гильгамеш ей вещает, хозяйке Сидури:
"Я - Гильгамеш, убивший стража леса,
В кедровом лесу погубивший Хумбабу,
Сразивший Быка, что спустился с неба,
Перебивший львов на перевалах горных".

Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
"Если ты - Гильгамеш, убивший стража леса,
В кедровом лесу погубивший Хумбабу,
Сразивший Быка, что спустился с неба,
Перебивший львов на перевалах горных,-
Почему твои щеки впали, голова поникла,
Печально сердце, лицо увяло,
Тоска в утробе твоей обитает,
Идущему дальним путем ты лицом подобен,
Жара и стужи лицо спалили,
И марева ищешь, бежишь по пустыне?"

Гильгамеш ей вещает, хозяйке:
"Как не впасть моим щекам, голове не поникнуть,
Не быть сердцу печальным, лицу не увянуть,
Тоске в утробу мою не проникнуть,
Идущему дальним путем мне не быть подобным,
Жаре и стуже не спалить чело мне?
Младший мой брат, гонитель онагров в степи,
пантер на просторах,
Энкиду,
младший мой брат, гонитель онагров в степи,
пантер на просторах,
С кем мы, встретившись вместе, поднимались в горы,
Вместе схвативши, Быка убили,
В кедровом лесу погубили Хумбабу,
Друг мой, которого так любил я,

С которым мы все труды делили,
Энкиду, друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили,-
Его постигла судьба человека!
Шесть дней, семь ночей над ним я плакал,
Не предавая его могиле,-
Не встанет ли друг мой в ответ на мой голос?
Пока в его нос не проникли черви!
Устрашился я смерти, не найти мне жизни!
Словно разбойник, брожу в пустыне:
Слово героя не дает мне покоя -
Дальней дорогой бегу в пустыне:
Слово Энкиду, героя, не дает мне покоя -
Дальним путем скитаюсь в пустыне:
Как же смолчу я, как успокоюсь?
Друг мой любимый стал землею!
Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков?
Теперь же, хозяйка, тебя я встретил, -
Смерти, что страшусь я, пусть не увижу!"
Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
"Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги, когда создавали человека, -
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали.
Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!

Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омывайся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу -
Только в этом дело человека!"

Гильгамеш ей вещает, хозяйке:

"Теперь, хозяйка, - где путь к Утнапишти?"

Каков его признак,- дай его мне ты,

Дай же ты мне пути того признак:

Если возможно - переправлюсь морем,

Если нельзя - побегу пустыней!"

Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:

"Никогда, Гильгамеш, не бывало переправы,

И не мог переправиться морем никто, здесь бывавший издревле,-

Шамаш-герой переправится морем,-

Кроме Шамаша, кто это может?

Трудна переправа, тяжела дорога,

Глубоки воды смерти, что ее преграждают.

А что, Гильгамеш, переправившись морем,-

Вод смерти достигнув,- ты будешь делать?

Есть, Гильгамеш, Уршанаби, корабельщик Утнапишти,

У него есть идолы, в лесу он ловит змея;

Найди его и с ним повидайся,

Если возможно - с ним переправься,

Если нельзя, то вспять обратися".

Гильгамеш, как услышал эти речи,

Боевой топор он поднял рукою,

Выхватил из-за пояса меч свой,

Меж деревьев углубился в заросль,

Словно копье упал между ними,

Идолов разбил, во внезапном буйстве,

Змея волшебного нашел среды леса,
Удушил его своими руками.
Когда же Гильгамеш насытился буйством,
В его груди успокоилась ярость,
Сказал он в своем сердце: "Не найти мне лодки!
Как одолев воды смерти,
Как переправлюсь чрез широкое море?"
Гильгамеш удержал свое буйство,
Из леса вышел, к Реке спустился.
По водам Уршанаби плыл на лодке,
Лодку к берегу он направил.
Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
"Теперь, Уршанаби,- где путь к Утнапишти?
Каков его признак - дай его мне ты!
Дай же ты мне пути того признак:
Если возможно - переправлюсь морем,
Если нельзя - побегу пустыней!"
Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:
"Идолы те, Гильгамеш, мне оберегом были,
Чтобы я не прикоснулся к водам смерти;
В ярости твоей ты идолы разрушил,-
Без тех идолов тебя переправить трудно,
Возьми, Гильгамеш, топор в свою руку,
Углубися в лес, наруби шестов там,
Сто двадцать шестов по пятнадцати сажен,
Осмоли, сделай лопасти и мне принеси их".
Гильгамеш, услышав эти речи,
Боевой топор он поднял рукою,
Выхватил из-за пояса меч свой,
Углубился в лес, нарубил шестов там,
Сто двадцать шестов по пятнадцати сажен,-

Осмолил, сделал лопасти, к нему принес их.
Гильгамеш и Уршанаби шагнули в лодку,
Столкнули лодку на волны и на ней поплыли.
Путь шести недель за три дня совершили,
И вступил Уршанаби в воды смерти.
Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:
"Отстранись, Гильгамеш, и шест возьми ты.
Воды смерти рукою не тронь, берегися!
Второй, третий и четвертый, Гильгамеш, возьми ты,
Пятым, шестой и седьмой, Гильгамеш, возьми ты,
Восьмой, девятый и десятый, Гильгамеш, возьми ты,
Одиннадцатый и двенадцатый, Гильгамеш, возьми ты",-
На сто двадцатом кончились шесты у Гильгамеша,
И развязал он препоясанье чресел,
Скинул Гильгамеш одежду, ее развернул он.
Как парус, ее руками поднял.
Утнапишти издали их увидел,
Помыслив, сердцу своему вещает,
Сам с собою совет он держит:
"Почему это идолы на ладье разбиты,
И плывет на ней не ее хозяин?
Тот, кто подходит, не мой человек он,
И справа гляжу я, и слева гляжу я,
Я гляжу на него - узнать не могу я,
Я гляжу на него - и понять не могу я,
Я гляжу на него - и на ведаю, кто он."
Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
"Я же, чтоб дойти до дальнего Утнапишти:
Чтоб увидеть того, о ком ходит преданье,
Я скитался долго, обошел все страны,
Я взбирался на трудные горы,

Через все моря я переправлялся,
Сладким сном не утолял свои очи,
Мучил себя непрерывным бдением,
Плоть свою я наполнил тоскою,
Не дойдя до хозяйки богов, сносил я одежду,
Убивал я медведей, гиен, львов, барсов и тигров,
Оленей и серн, скот и тварь степную,
Ел их мясо, их шкурой ублажал свое тело;
При виде меня хозяйка заперла двери,
Смолой и киром обмазал шесты я,
Когда плыл на ладье, не тронул воды я, -
Да найду я жизнь, которую ищу я!"

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
"Почему, Гильгамеш, ты исполнен тоскою?
Потому ль, что плоть богов и людей в твоём теле,
Потому ль, что отец и мать тебя создали смертным?
Ты узнал ли, - когда-то для смертного Гильгамеша
Было ль в собрание богов поставлено кресло?
Даны ему, смертному, пределы:
Люди - как пахтанье, боги - как масло,
Человеки и боги - как мякина и пшеница!
Поспешил ты шкурою, Гильгамеш, облечься,
И что царскую перевязь, её ты носишь, -
Потому что - нет у меня для тебя ответа,
Слова совета нет для тебя никакого!
Ярая смерть не щадит человека:
Разве навеки мы строим дома?
Разве навеки ставим печати?
Разве навеки делятся братья?
Разве навеки ненависть в людях?
Разве навеки река несёт полые воды?"

Стрекозой навсегда ль обернется личинка?
Взора, что вынес бы взоры Солнца,
С давних времен еще не бывало:
Пленный и мертвый друг с другом схожи -
Не смерти ли образ они являют?
Человек ли владыка? Когда Эллиль благословит их,
То собираются Ануннаки, великие боги,
Мамет¹, создавшая судьбы, судьбу с ними вместе судит:
Они смерть и жизнь определили,
Не поведали смертного часа,
А поведали: жить живому!"

ТАБЛИЦА 11

Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:

"Гляжу на тебя я, Утнапишти,
Не чуден ты ростом - таков, как и я, ты,
И сам ты не чуден - таков, как и я, ты.
Не страшно мне с тобою сразиться;
Отдыхая, и ты на спину ложишься -
Скажи, как ты, выжив, в собрание богов был принят и жизнь обрел в нем?"

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу

"Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово
И тайну богов тебе расскажу я.
Шуриппак, город, который ты знаешь,
Что лежит на берегу Евфрата,-
Этот город древен, близки к нему боги.
Богов великих потоп устроить склонило их сердце.
Совещались отец их Ану, Эллиль, герой, их советник,
Их гонец Нинурта, их мираб Эннуги¹.
Светлоокий Эа с ними вместе клялся,

Но хижине он их слово поведал:
"Хижина, хижина! Стенка, стенка!
Слушай, хижина! Стенка, запомни!
Шуриппакиец, сын Убар-Туту,
Снеси жилище, построй корабль,
Покинь изобилье, заботься о жизни,
Богатство презри, спасай свою душу!
На свой корабль погрузи все живое.
Тот корабль, который ты построишь,
Очертаньем да будет четырехуголен,
Равны да будут ширина с длиною,
Как Океан, покрой его кровлей!"
Я понял и вещаю Эа, владыке:
"То слово, владыка, что ты мне молвил,
Почтить я должен, все так и исполню.
Что ж ответить мне граду - народу и старцам?"
Эа уста открыл и молвит,
Мне, рабу своему, он вещает:
"А ты такую им речь промолви:
"Я знаю, Эллиль меня ненавидит, -
Не буду я больше жить в вашем граде,
От почвы Эллиля стопы отвращу я.
Спущусь к Океану, к владыке Эа!
А над вами дождь прольет он обильно,
Тайну птиц узнаете, убежища рыбы,
На земле будет всюду богатая жатва,
Утром хлынет ливень, а ночью
Хлебный дождь вы узрите воочью".

Едва занялось сияние утра,
По зову моему весь край собрался,

Всех мужей я призвал на повинность -
Дома сносили, разрушали ограду.
Ребенок смолу таскает,
Сильный в корзинах снаряженье носит.
В пятеро суток заложил я кузов:
Треть десятины площадь, борт сто двадцать локтей высотой,
По сто двадцать локтей края его верха².
Заложил я обводы, чертеж начертил я:
Шесть в корабле положил я палуб,
На семь частей его разделивши ими;
Его дно разделил на девять отсеков,
Забил в него колки водяные,
Выбрал я руль, уложил снаряженье.
Три меры кира в печи расплавил;
Три меры смолы туда налил я,
Три меры носильщики натаскали елея:
Кроме меры елея, что пошла на промазку,
Две меры елея спрятал кормчий.
Для жителей града быков колол я,
Резал овец я ежедневно,
Соком ягод, маслом, сикерой, вином и красным и белым
Народ поил, как водой речною,
И они пировали, как в день новогодний.
Открыл я благовонья, умастил свои руки.
Был готов корабль в час захода Солнца.
Сдвигать его стали - он был тяжелыми,
Подпирали кольями сверху и снизу,
Погрузился он в воду на две трети.

Нагрузил его всем, что имел я,
Нагрузил его всем, что имел серебра я,

Нагрузил его всем, что имел я злата,
Нагрузил его всем, что имел живой я твари,
Поднял на корабль всю семью и род мой,
Скот степной и зверье, всех мастеров я поднял.
Время назначил мне Шамаш:
"Утром хлынет ливень, а ночью
Хлебный дождь ты узришь воочью,-
Войди на корабль, засмоли его двери".
Настало назначенное время:
Утром хлынул ливень, а ночью
Хлебный дождь я увидел воочью.
Я взглянул на лицо погоды -
Страшно глядеть на погоду было.
Я вошел на корабль, засмолил его двери -
За смоление судна корабельщику Пузур-Амурри
Чертог я отдал и его богатства.

Едва занялось сияние утра,
С основанья небес встала черная туча.
Адду гремит в ее середине,
Шуллат и Ханиш³ идут перед нею,
Идут, гонцы, горой и равниной.
Эрагаль⁴ вырывает жерди плотины,
Идет Нинурга, гать прорывает,
Зажгли маяки Ануннаки⁵,
Их сияньем они тревожат землю.
Из-за Адду цепенеет небо,
Что было светлым, - во тьму обратилось,
Вся земля раскололась, как чаша.
Первый день бушует Южный ветер,
Быстро налетел, затопляя горы,
Словно войною, настигая землю.

Не видит один другого,
И с небес не видать людей.
Боги погопа уstraшились,
Поднялись, удалились на небо Ану,
Прижались, как псы, растянулись снаружи.
Иштар кричит, как в муках родов,
Госпожа богов, чей прекрасен голос:
"Пусть бы тот день обратился в глину,
Раз в совете богов я решила злое,
Как в совете богов я решила злое,
На гибель людей моих войну объявила?
Для того ли рожаю я сама человеков,
Чтоб, как рыбий народ, наполняли море!"
Ануннакийские боги с нею плачут,
Боги смирились, пребывают в плаче,
Теснятся друг к другу, пересохли их губы.
Ходит ветер шесть дней, семь ночей,
Потопом буря покрывает землю.
При наступлении дня седьмого
Буря с потопом войну прекратили,
Те, что сражались подобно войску.
Успокоилось морв, утих ураган - потоп прекратился.
Я открыл отдушину - свет упал на лицо мне,
Я взглянул на морв - тишь настала,
И все человечество стало глиной!
Плоской, как крыша, сделалась равнина.
Я пал на колени, сел и плачу,
По лицу моему побежали слезы.
Стал высматривать берег в открытом море -
В двенадцати поприщах поднялся остров.
У горы Ницир корабль остановился.

Гора Ницир корабль удержала, не дает качаться.
Один день, два дня гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
Три дня, четыре дня гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
Пять и шесть гора Ницир держит корабль, не дает качаться.

При наступлении дня седьмого
Вынес голубя и отпустил я;
Отправившись, голубь назад вернулся:
Места не нашел, прилетел обратно.
Вынес ласточку и отпустил я;
Отправившись, ласточка назад вернулась:
Места не нашла, прилетела обратно.
Вынес ворона и отпустил я;
Ворон же, отправившись, спад воды увидел,
Не вернулся; каркает, ест и гадит.
Я вышел, на четыре стороны принес я жертву,
На башне горы совершил воскуренье:
Семь и семь поставил курильниц,
В их чашки наломал я мирта, тростника и кедра.
Бога почували запах,
Боги почували добрый запах,
Боги, как мухи, собрались к приносящему жертву.
Как только прибыла богиня-мать,
Подняла она большое ожерелье,
Что Ану изготовил ей на радость:
"О боги! У меня на шее лазурный камень -
Как его воистину я не забуду,
Так эти дни я воистину помню,
Во веки веков я их не забуду!
К жертве все боги пусть подходят,
Эллиль к этой жертве пусть не подходит,
Ибо он, не размыслив, потоп устроил

И моих человек обрек истребленью!"

Эллиль, как только туда он прибыл,
Увидев корабль, разъярился Эллиль,
Исполнился гневом на богов Игигов:
"Какая это душа спаслася?
Ни один человек не должен был выжить!"

Нинурта уста открыл и молвит,
Ему вещает, Эллилю, герою:
"Кто, как не Эа, замыслы строит,
И Эа ведает всякое дело!"

Эа уста открыл и молвит,
Ему вещает, Эллилю, герою:
"Ты - герой, мудрец меж богами!
Как же, как, не размыслив, потоп ты устроил?
На согрешившего грех возложи ты,
На виноватого вину возложи ты,-
Удержись, да не будет погублен, утерпи, да не будет повержен!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше лев бы явился, людей поубавил!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше волк бы явился, людей поубавил!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше голод настал бы, разорил бы землю!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше мор настал бы, людей поразил бы!
Я ж не выдал тайны богов великих -
Многомудрому сон я послал, и тайну богов постиг он.
А теперь ему совет посоветуй!"

Поднялся Эллиль, взошел на корабль,
Взял меня за руку, вывел наружу,
На колени поставил жену мою рядом,

К нашим лбам прикоснулся, встал между нами, благословлял нас:

"Доселе Утнапишти был человеком,

Отныне ж Утнапишти нам, богам, подобен,

Пусть живет Утнапишти при устье рек, в отдаленье!"

Увели меня вдаль, при устье рек поселили.

Кто же ныне для тебя богов собрал бы,

Чтоб нашел ты жизнь, которую ищешь?

Вот, шесть дней и семь ночей не поспи-ка!"

Только он сел, раскинув ноги, -

Сон дохнул на него, как мгла пустыни.

Утнапишти ей вещает, своей подруге:

"Посмотри на героя, что хочет жизни!

Сон дохнул на него, как мгла пустыни".

Подруга его ему вещает, дальнему Утнапишти:

"Прикоснись к нему, человек да проснется!

Тем же путем да вернется спокойно,

Через те же ворота да вернется в свою землю!"

Утнапишти ей вещает, своей подруге:

"Лжив человек! Тебя он обманет:

Вот, пеки ему хлеба, клади у изголовья,

И дни, что он спит, на стене помечай-ка".

Пекла она хлеба, клала у изголовья,

И дни, что он спит, на стене отмечала.

Первый хлеб его развалился,

Треснул второй, заплесневел третий,

Четвертый - его побелела корка,

Пятый был черствым, шестой был свежим,

Седьмой - в это время его он коснулся, и тот пробудился.

Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:

"Одолел меня сон на одно мгновенье -

Ты меня коснулся, пробудил сейчас же".

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу
"Встань, Гильгамеш, хлеба сосчитай-ка,
И дни, что ты спал, тебе будут известны:
Первый твой хлеб развалился,
Треснул второй, заплесневел третий,
Четвертый - его побелела корка,
Пятый был черствым, шестой был свежим,
Седьмой - в это время ты пробудился".
Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
"Что же делать, Утнапишти, куда пойду я?
Плотью моей овладел Похититель⁶,
В моих покоях смерть обитает,
И куда взор я ни брошу - смерть повсюду!"

Утнапишти ему вещает, корабельщику Уршанаби:
"Не тебя пусть ждет пристань, перевоз тебя пусть забудет,
Кто на берег пришел, тот к нему и стремися!
Человек, которого привел ты, - рубище связало его тело,
Погубили шкуры красоту его членов.
Возьми, Уршанаби, отведи его умыться,
Пусть свое платье он добела моет,
Пусть сбросит шкуры - унесет их море.
Прекрасным пусть станет его тело,
Новой повязкой главу пусть повяжет,
Облаченье наденет, наготу прикроет.
Пока идти он в свой город будет,
Пока не дойдет по своей дороге,
Облаченье не сносится, все будет новым!"
Взял его Уршанаби, отвел его умыться,
Добела вымыл он свое платье,
Сбросил шкуры - унесло их море,
Прекрасным стало его тело,

Новой повязкой главу повязал он,
Облаченье надел, наготу прикрыл он.
Пока идти он в свой город будет,
Пока не дойдет по своей дороге,
Облаченье не сносится, все будет новым.
Гильгамеш с Уршанаби шагнули в лодку,
Столкнули лодку на волны и на ней поплыли.

Подруга его ему вещает, дальнему Утнапишти
"Гильгамеш ходил, уставал и трудился,-
Что ж ты дашь ему, в свою страну да вернется?"
А Гильгамеш багор уже поднял,
Лодку к берегу он направил.

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
"Гильгамеш, ты ходил, уставал и трудился,-
Что ж мне дать тебе, в свою страну да вернешься ?
Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
И тайну цветка тебе расскажу я:
Этот цветок - как терн на дне моря,
Шипы его, как у розы, твою руку уколуют.
Если этот цветок твоя рука достанет, -
Будешь всегда ты молод.

Когда Гильгамеш услышал это,
Открыл он крышку колодца⁷,
Привязал к ногам тяжелые камни,
Утянули они его в глубь Океана.
Он схватил цветок, уколов свою руку;
От ног отрезал тяжелые камни,
Вынесло море его на берег.
Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
"Уршанаби, цветок тот - цветок знаменитый,
Ибо им человек достигает жизни.

Принесу его я в Урук огражденный,
Накормлю народ мой, цветок испытаю:
Если старый от него человек молодеет,
Я поем от него - возвратится моя юность".
Через двадцать поприщ отломили ломтик,
Через тридцать поприщ на привал остановились.
Увидал Гильгамеш водоем, чьи холодны воды,
Спустился в него, окунулся в воду.
Змея цветочный учуяла запах,
Из норы поднялась, цветок утащила,
Назад возвращаясь, сбросила кожу.
Между тем Гильгамеш сидит и плачет,
По щекам его побежали слезы;
Обращается к кормчему Уршанаби:
"Для кого же, Уршанаби, трудились руки?
Для кого же кровью истекает сердце?
Себе самому не принес я блага,
Доставил благо льву земляному!
За двадцать поприщ теперь уж качает цветок пучина,
Открывая колодец, потерял я орудья,-
Нечто нашел я, что мне знаменьем стало: да отступлю я!
И на берегу я ладью оставил!"
Через двадцать поприщ отломили ломтик,
Через тридцать поприщ на привал остановились,
И прибыли они в Урук огражденный.
Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
"Поднимись, Уршанаби, пройди по стенам Урука,
Обозри основанье, кирпичи ощупай -
Его кирпичи не обожжены ли
И заложены стены не семью ль мудрецами?"